

18+

Армен Л. Петросян

Пришествие (Аватар)

Армен Петросян
Пришествие. Аватар

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Петросян А. Л.

Пришествие. Аватар / А. Л. Петросян — «ЛитРес: Самиздат»,
2007

Двухтысячелетняя история христианства свидетельствует о том, что наши церкви навязывали нам свои представления о вере. На самом деле ни Бог, ни Сатана, ни Христос не являются такими, каким их нам преподносят. Книга эта - попытка отсеять все лишнее и наносное, развеять обман и раскрыть сущность необъявленной войны, начатой Ватиканом. Попытка раскрытия истины через призму Карабахской войны, о которой человеческое сообщество имеет смутное представление.

От автора

Первоначально рассказ “Пришествие ” был назван “Аватаром ” и был заменен, когда на экранах появился одноименный нашумевший фильм. Само слово “аватара ” в переводе с санскрита означает “сошествие ”, имея в виду воплощение божества и постоянно упоминается в индийских Ведах. Создатели же фильма не очень задумывались над смыслом этого слова и остановились на первой трактовке – на “сошествии ”.

В Ведах истинных аватаров 10. Со временем смысл этого названия претерпело некоторое изменение. В течении всей истории человечества, независимо от вероисповедования, расовой принадлежности, везде запрещалось обижать сумасшедших и юродивых. Считалось, что они и так обижены высшей силой, но на самом деле, подсознательно чувствовали, что эти люди живут в своем особом мире, они отличаются от обычных людей своим мировоззрением, своими ощущениями и не только в психическом плане. Люди смутно догадывались, что появление их неслучайно, что они могут являться исполнителями неизвестной им доселе миссии.

С развитием человеческого общества, слова и мысли, подход к ним несколько изменился, и к ним начали относиться, как к ненормальным. Переосмысливается также значение слова “аватара ” и в Ведах.

Индусы первыми из людей почувствовали появление нового типа людей. Внешне они ничем не отличались от других. Но было что – то непонятное, еле уловимое, которое делало их особенными. Это нельзя было понять разумом, а можно было только почувствовать, при том – почувствовать на очень тонком уровне. Народ, который первым понял, что все в мире единое целое, который открыл, что существует космический разум, начал посредством медитации считывать эту информацию и открыл саму природу аватаров. Как правило, эти люди живут недолго, очень рано “сгорают ”и, как правило, несчастны в личной жизни. Основная цель появления их на свет – уравнивание, уравнивание добра и зла, греховности и праведности. В некотором смысле аватары – это “маленькие христосики ”и они, совершенно не сознавая того, берут на себя людские грехи. Аватарами могут быть как преступники, так и судьи, как рабы, так и цари, для них не существует ступенек в социальной лестнице, нет расовой и религиозной принадлежности. Их количество может колебаться от нескольких до тысяч – это зависит от эпох. В наше время их количество выросло неимоверно и это заставляет задуматься. Когда увеличивается греховность, увеличивается и их количество, пока все снова не уравнивается.

Именно поэтому наряду с названием “Пришествие” и было оставлено его первоначальное название “Аватар”. Если в “Аватаре ”имелся в виду Карен, то в “Пришествии ”оба главных действующих лица – и Карен и Ардвил, олицетворяющий Сатану.

Сам рассказ писался быстро. Представьте, что вам диктуют текст, и вы его пишете, как лекцию. Он был написан буквально за несколько дней и писался необычайно легко и быстро, но читателям достался переработанный второй вариант. В первой версии Карен становился последователем Ардвила.

Рассказ был написан для себя, а не для читательского круга и по завершении заброшен на долгое время и даже позабыт. Прошло больше года, прежде чем я снова перечитал его. Я человек набожный и сам ужаснулся тому, что написал. Потрясло настолько, что лихорадочно начал все переделывать.

Меня часто спрашивают, откуда я взял имя Ардвил? Дело в том, что оно было, я ничего не выдумывал. Это имя как бы зависло в воздухе и, когда я стал писать этот рассказ, имя само легло на бумагу. Напугало же меня в этом рассказе то, что в нем было много такого, что люди, придерживающиеся сектантских учений о темных силах, могли взять в основу своих учений и поклонений. Начав переделывать, был поражен тем, с какой трудностью он писался и пришлось изрядно помучиться над ним. Меня не покидала мысль, что за этот рассказ мне при-

дется заплатить по самой высокой цене. К счастью, наказание оказалось достаточно мягким, но на этом я не желаю останавливаться.

Теперь о мистике, о которой знают все, но мало кто принимает ее всерьез. Мистика неотделима от нашей повседневной жизни и ее гораздо больше, чем кажется нам. Она незримо присутствует рядом с нами постоянно. Почти во всех моих рассказах она составляет неотъемлемую часть. Для меня и дерево способно чувствовать и сопереживать и камень, будущее же рождается в прошлом и время не сгусток энергии, а носитель информации.

Все предопределенно. Я считаю великим счастьем то, что не все поддается нашему осмыслению и только благодаря этому мы продолжаем существовать.

То, о чем я писал, я не выдумывал, просто постарался передать то, что во мне было и передать так, как чувствовал. Многое, о чем написал, сначала ощутил и только потом переосмыслил.

Сам рассказ “Пришествие” – полу художественное произведение, в отличие от остальных рассказов. То, чем я хотел поделиться с читателем, показалось мне настолько важным, что я выбрал именно эту форму изложения, попытавшись написать самым доступным языком и предельно просто.

Напоследок отмечу одну существенную деталь. Некоторые вещи, изложенные в моих рассказах – я видел.

ЇÐÈØÃÑÒÂËÄ (АВАТАР)

В этом саду он любил бывать, хотя ничего особенного в нем не было. Он хотя и был большой, но в нем всегда было мало людей. Наверное, именно это и привлекало его, к тому же сад находился недалеко от его дома, всего две остановки. Он всегда приходил сюда пешком и всегда один. Он не гулял, садился на свободную скамейку и давал свободу своим мыслям.

У него не было бытовых проблем и ему не надо было заботиться о семье. Было много друзей, с которыми он часто встречался, когда бывал в городе. Особенно его тянуло в этот сад после “выходов”, когда возвращался с боевых действий. На этот раз он возвращался из Шаумянского района НКР, который почти весь пришлось оставить азерам, хотя, видит бог, уступили не им, а русским.

Азеры всегда старались воевать руками других – русских, украинцев, афганцев, арабов. Складывалось иногда впечатление, что не будет конца этой войны. Правда были русские и на их стороне, но их было мало, они предпочитали воевать на стороне тех, кто больше платил.

Настроение было паршивое, к тому же он сильно устал и находился в какой-то странной апатии. Пить не тянуло, книг читать не мог, повседневные заботы казались ему чуждыми.

Выбрав скамью, он уселся не как всегда на спинку, а попытался всем телом обхватить ее, чтобы дать максимальный отдых своим мускулам и растянул ноги. Ему захотелось курить, но двигаться было лень. Он закрыл глаза, откинул голову навстречу солнцу и стал прислушиваться к звукам. Сад хотя и находился у одной из центральных улиц, но здесь было тихо, звуки как бы замирали у самого его края, а в этот день даже привычные звуки деревьев и птиц несколько стихли.

Он попытался отключить все мысли, но не смог, хоть они текли вяло и беспорядочно. “Надо было пивка взять”, – подумал он и ему вновь захотелось закурить. Не открывая глаз, потянулся к карману, достал сигареты, но зажигалку не нашел. “Черт, дома оставил,“ – недовольно подумал и открыл глаза, надеясь увидеть кого-нибудь, чтобы попросить огня.

В нескольких шагах он увидел пожилого человека в очках с полиэтиленовым пакетом в руках, который шел по направлению к нему, подождал, пока тот поравняется с ним, и уже хотел обратиться к нему, как тот сам заговорил с ним:

–Простите, молодой человек. Не угостите сигаретой?

–Конечно, – ответил он, протягивая пачку, и добавил: – Только вот огонька у меня нет.

–Ничего страшного, – улыбаясь, сказал тот.

Он взял из протянутой пачки сигарету, достал спички и уселся рядом. “Черт, – подумал молодой. – Этот не скоро уберется!”

Пожилой зажег спичку, дал прикурить, прикурил сам, глубоко затянулся и снова заговорил:

–Простите, я вам не помешаю?

“Конечно помешаешь”, – подумал про себя молодой, но вслух ответил: – Конечно – нет.

–Я вообще – то, предпочитаю гулять, а не сидеть, но сегодня что-то устал.

–Неужели работаете? – усмехнулся молодой.

–Да нет, какая там работа. Это раньше работали, когда у всех ее было, не то что сейчас.

“Ну вот, пошло-поехало”, – подумал молодой, но вслух ничего не сказал.

–Хотите пиво? – неожиданно предложил пожилой.

–Не отказался бы, – обрадовался молодой.

Незнакомец достал из пакета две бутылки и одну протянул ему.

–Вот только стакан один, – заметил он.

–Ничего, я люблю пить из горлышка, – ответил молодой, открывая одну о край скамейки и протягивая его соседу.

Получив непочатую, он так же ловко открыл и ее.

–А вы учитесь, работаете? – спросил пожилой, с любопытством оглядывая его.

–Учусь, – вновь усмехнулся молодой.

–И чему, позвольте полюбопытствовать?

–Убивать!

–Понятно. И многих вы убили? – остановив взгляд на лице собеседника, спросил пожилой.

–Пока что не очень, но бог даст – скоро прибавлю в счете. Я, видите ли, не очень тороплюсь, – ответил молодой и глотнул из бутылки.

Пиво было свежее и прохладное, что доставило ему большое удовольствие.

–Понимаю. Вы ополченец! И давно? – не отставал незнакомец.

–Немногим больше года.

–И не любите говорить об этом, – с улыбкой проговорил пожилой.

–С чего взяли? – удивился молодой.

–Отвечаете слишком односложно, – с легкой укоризной ответил пожилой.

–Простите, но я недавно оттуда и пока не отошел. Да и устал порядком.

–Тогда помолчим и пива поьем, – с пониманием предложил пожилой.

“Надолго ли? – подумал молодой. – Не надо было брать пиво, “ – мелькнуло в его голове, но отхлебнув снова, обрадовался, что не отказался и сказал:

–Не обижайтесь, просто я не люблю говорить об этом.

–Это говорит лишь в вашу пользу, ведь многие предпочитают хвастаться этим. А вы по профессии кто?

–Учитель. А вы? – в свою очередь поинтересовался молодой.

–Философ по образованию и, пожалуй, по натуре.

–Марксистская философия?

–Конечно, нет!

–А разве у нас была другая?

–Представьте себе – да. Но я никогда не работал по своей специальности.

–А кем же вы работали? Неужели слесарем? – съязвил молодой.

–Зачем такие крайности. Видите ли, я предпочитаю не работать, много путешествую, до недавнего времени во всяком случае. Пока были Советы, было куда ездить, да и поинтересней было.

–Были Советы – не было остального мира, а сейчас все пути открыты, были бы деньги.

–В скором времени я, наверное, так и поступлю, а пока что у меня здесь есть кое-какие дела. Человек я свободный, семьи у меня нет, материально обеспечен хоть никогда и не работал.

–В таком случае вы человек счастливый, – снова вздохнул молодой. – Или нет?

–Уверяю вас – вполне счастливый. У меня такая большая библиотека, что человеку не хватит всей его жизни, чтобы прочитать ее всю.

–Вам можно только позавидовать – я имею ввиду библиотеку. Я сам люблю читать.

–Да, моя библиотека – моя гордость. Дело не в количестве книг. Среди них много редких, даже рукописи. Кстати много есть из того, что совсем недавно было запрещено или никогда не издавалось.

Какие книги вас больше всего интересуют? – неожиданно спросил пожилой.

–История, религия, географические открытия. Фантастику и детективы – не люблю, – молодой уже с искренним интересом посмотрел на соседа.

–О-о, у меня вы найдете многое – в особенности религиозные, при том очень древние. Вам нужно будет как-то навестить меня.

–А не боитесь приглашать “человека с ружьем?”

–Абсолютно. Я прекрасно разбираюсь в людях, к тому же я сам неподарок. Кстати, меня зовут Ардвил. Если вы завтра заглянете сюда к вечеру, я буду здесь. Почти каждый вечер я здесь гуляю.

–Очень приятно. Меня зовут Карен, и я с радостью просмотрю вашу библиотеку, но завтра я сам принесу пиво.

–Договорились, – сказал Ардвил и встал со скамейки: – Пожалуй, мне пора. Всего вам хорошего!

–До свиданья. А я еще останусь, пиво допью.

Пожав руку нового знакомого, Ардвил пошел не спеша, засунув одну руку в карман пиджака и неся в другой пакет с пустой бутылкой. “Культурный, – подумал про себя Карен, – даже пустую бутылку не оставил. Культурный, да странный какой-то. Так просто пригласить к себе в дом совершенно незнакомого человека. Неужели у меня такая располагающая внешность? Что-то не замечал до сих пор. Скорей всего ему все – таки скучно, ведь он говорил, что живет один. Завтра познакомимся поближе, если я приду или если он придет. Взгляд у него какой-то странный, пронизывающий что ли и рука очень холодная. Черт, нашел о чем думать!”

Двумя большими глотками Карен допил пиво, прикурил новую сигарету от потухающей и снова растянул ноги, но глаза не закрыл, как хотел сначала. Его глаза остановились на маленьком кустике, взгляд сделался отсутствующим.

***

Ничто не предвещало катастрофы. День начинался как обычно. Настроение у бойцов было обычное, хотя поступали данные, что противник получил подкрепление. На их участке было тихо, пути возможного подхода неприятеля были тщательно заминированы. Все же командир приказал удвоить посты.

Только начала рассеиваться темнота, как послышался невнятный гул, но привычный слух сразу разобрал в нем то, что сулило опасность.

“Техника, – молнией скользнуло в голове, и Карен поспешил разбудить остальных. Прибежал командир с биноклем. На всякий случай он приказал бойцам рассыпаться по позициям.

Гул нарастал монотонно и становился по мере приближения все более угрожающим. “Танки, – вновь подумалось Карену. – Хорошо, что успели заминировать этот участок. А где прикрытие?”

Едва только он успел подумать об этом, как послышался стремительно нарастающий свист, который не замедлил прерваться оглушительным взрывом. Вслед за первым свистом послышался второй и началось.

Земля вздрагивала от каждого взрыва, выбрасывая клочья грязи. Не было потребности приказа “в окопы”, ребята были в основном опытные и обстрелянные, каждый хорошо знал свое дело.

Командир, связался по рации с соседним отрядом, который находился правее от них и прикрывал южное направление. Он первый должен был принять удар и, связавшись с ним, он ясно услышал взрывы и выстрелы.

– Командир, справа! – вдруг закричал один из бойцов.

На холме, справа, появилась первая цепь противника, за ним вторая, третья.

– Алик, – закричал командир. – Возьми своих ребят и быстро на край деревни. Гранатомет оставь.

Алик, выскочив из своего укрытия, побежал, даже не оглядываясь. За ним следом, низко пригнувшись к земле, побежали Карен и еще пятеро. На краю деревни, куда наступал противник, должны были находиться еще двое. Временами они вынуждены бывали бросаться на землю, когда по свисту становилось ясно, что он упадет в опасной близости.

Они успели вовремя. Противник уже стал подниматься на склон. Пулеметчик, как всегда, устроился у дерева что потолще, но стрелять не спешил.

– Подпустите шагов на 500 и валите их, – скомандовал Алик.

Этот приказ, естественно, не относился к снайперу. Его СВД первым же выстрелом свалил одного, но во второй раз промазал. Сразу прозвучала команда на русском и противник открыл ответный огонь. Пока он дошел до назначенной Аликом дистанции, снайпер положил еще одного.

“Ничего, скоты, ближе, чем на двести шагов, не подойдете”, – подумал Карен и попытался свалить высокого парня, шедшего в его направлении. Высокий сразу шлепнулся на землю, перекувыркнулся к кусту, стал яростно стрелять, чтобы скрыть свой страх. Карен вновь выстрелил короткой очередью, тот замер на месте, отполз немножко назад и скрылся за большой камень. Поняв, что теперь того не достать, Карен выбрал себе новую цель.

Уже четверо валялись на земле, но остальные продолжали двигаться вперед короткими перебежками. Вскоре к ним подбежала вторая цепь и смешалась с первой.

Позиция у армян была хорошая, особенно хороша она была у снайпера, который удобно устроился в воронке и прикрытый толстыми корнями дерева, беспрерывно щелкал затвором.

Противник к автоматом имел ГП, что и не замедлил пустить в ход. Подойдя ближе, он начал перегруппировываться след в след.

– Они “коридор” проложили, – закричал Алик, – валите их длинными.

Все начали стрелять длинными очередями, пулемет задышался, изрыгая огненный кашель. Алик подкосил одного, с яростными воплями вышел из-за обрушенной стены, присел на одно колено, ведя непрерывный огонь. Взрыв гранаты из ГП положил его стрельбе конец. Увидев, что командир упал, бойцы пришли в ярость. В ход пошли гранаты. Противник побежал назад, смешавшись и потянув за собой третью цепочку, оставив на земле 8 человек.

Карен подбежал к Алику. В его глазах было полное недоумение, тот не осознавал того, что творилось вокруг, рот был перекошен. Схватив его за шиворот, Карен перетащил его обратно за стену и почувствовал, как его левая рука дернулась. Ощувив тупой удар в предплечье, понял, что сам ранен. Рукав сразу стал липким, но боли еще не было.

Бой был закончен, бойцы приутихли, прекратив стрелять. Стрелял еще пару минут только снайпер. Оставив Алика подошедшим, Карен со словами “надо посмотреть, что там”, побежал назад в деревню.

Этот день он запомнит надолго. Два танка и три БМП, хрипло рыча, уже приблизились почти вплотную. Из БМП на ходу выскакивали солдаты и, ведя непрерывную стрельбу, бежали за ним. “Черт, где же мины? Куда они подевались?” – в бешенстве подумал Карен.

Грохнул гранатомет, подбив один из танков и подписав тем самым себе смертный приговор. Вся техника, как по команде, направив в его сторону стволы, зло огрызнулась. Бойцы стали выскакивать из своих укрытий и, стремясь быть по дальше от этих железных чудовищ, побежали. Командир хотел что-то прокричать, но его разворотило снарядом. Это был уже конец.

“Надо предупредить”, – пронеслось в голове, и Карен снова побежал. Рука начала противно болеть, требовала к себе внимания и, не получая его, стала неметь. Сзади слышалась непрерывная стрельба и взрывы, и Карен уже бежал не скрываясь, ни на что не обращая внимания. Не добежав 100 метров к своим, он заорал:

–Отступаем, быстро!

Повторять два раза не было нужды. Догадываясь о самом худшем, все побежали, стремясь поскорее дойти до спасательного леса, находящегося за пустой деревней. Карен тоже бежал туда изо всех сил. В ушах, оставив свое прежнее место, яростно колотилось сердце. Услышав над головой противный визг, он понял, что стреляют уже по нему и попытался бежать быстрее, предварительно пустив на слух короткую очередь. Поняв что вот-вот задохнется, он свернул вниз, стремясь перебраться в “мертвую” зону и после этого вновь повернул за деревню.

“Только бы не потерять своих”, – молотком стучало в мозгу. Лишь только за спиной оказались первые деревья, он понял, что больше не может бежать и сейчас упадет. Усилием воли заставил себя идти шагом, горьковато – соленый пот резал глаза, дыхание перехватило. Не было даже слюны, чтобы проглотить и тем самым смягчить горло, появилась резкая боль в боку.

“Иди, иди, – все время подгонял он самого себя. – Еще немного и я смогу остановиться, передохнуть и перевязать рану. Только бы найти своих “.

Прошагав минут 20, Карен остановился, но не присел, как хотелось. Пытаясь упорядочить дыхание, он весь превратился вслух, но вслушиваться мешало сердцебиение. Стремясь его успокоить, Карен сделал несколько глубоких вдохов. Из деревни явственно доносился рев одной из машин и разрозненная стрельба. “Добивают”, – подумалось ему.

Слегка переведя дыхание, он оторвал прилипший рукав. Раны не было видно, вся рука была залита кровью. Оторванным рукавом почистил руку, нашел сквозную рану прямо над локтем, достал бинт и туго перевязал ее. “Пока этого достаточно, надо уходить и уходить надо быстро”, – вновь подумалось и, скинув автомат на плечо, двинулся дальше. Пройдя еще с километр, он вдруг вспомнил о шалаше пастуха. О нем знали все бойцы, и он двинулся по направлению к нему. “Если ребята вспомнят о нем, они пойдут к нему, ведь теперь каждый ищет своих.” Эта мысль обрадовала его и придала силы. Теперь двигаться было не так уж трудно и даже боль в руке несколько стихла. Через полчаса он увидел шалаш, остановился, огляделся, потом пошел к нему, стремясь всегда быть или за кустом, или за деревом. Дойдя до полянки, распластался на земле, внимательно вглядываясь в шалаш. Ему показалось какое-то движение в нем и, отбросив всякую осторожность, позвал:

–Кто здесь? Это я – Карен.

Если там кто-то из своих, то обязательно узнает его голос и выйдет из него. И, действительно, из-за него с земли кто-то встал и высунулся вперед.

–Это я – Сурен, иди сюда.

Сняв автомат на всякий случай, Карен, пригнувшись, подбежал к нему.

–Здорово, брат,– с улыбкой сказал Сурен, как будто давно его не видел, но его голос звенел от тревоги.– Ты один?

–Один. Зря ты устроился у шалаша – это опасно и открыто здесь. Давай зайдем в лес. Я спрячусь там, откуда вышел, а ты поднимись к тем деревьям и устройся там. Будем наблюдать и ждать своих. Как только стемнеет, встречаемся здесь.

Сурен в знак согласия кивнул головой и двинулся к деревьям. Не успел он отойти, как Карен снова его окликнул:

–У тебя есть вода?

–Нету, брат, с сожалением ответил тот.

Мысленно выругавшись, Карен снова поплелся в лес. Выбрав удобное место, присел на корточки, но ноги продолжали противно дрожать, и он вынужден был лечь, что ограничило кругозор.

Нестерпимо хотелось пить, да и рану промыть не мешало. Правой рукой он отстегнул ремень, достал аптечку и стал вытаскивать ее содержимое. В основном у бойцов из аптечки были только жгуты, перетянутые на прикладах автоматов. У него же были не только бинты, но и противостолбнячная сыворотка для открытых ран. Достав пузырек с риванолом, он насколько смог промыл рану, приложил к ней тампоны, предварительно обработав ее края йодом, и туго перевязал.

Закончив с рукой, он пересчитал боеприпасы – два полных перетянутые изолентой парные магазины, еще пара на самом автомате, хотя один из них был наполовину пуст, пара пачек патронов, одна ручная граната и штык-нож. Все это было у него на боежилете, так как подсумку он не признавал – мешала во время бега. Свою каску и фляжку, он оставил на позиции.

Внезапно его слух уловил звук треснувшей ветки, и он весь напрягся. Пристально всматриваясь в ту сторону, напряженно подумал: “Кто бы это не был, он теперь замер на месте, потом изменит направление и покажется немного левее или правее”. И впрямь, минут через 10 мелькнула неясная фигура. Карен так напрягся, что даже плечи заныли. Сделав два глубоких вдоха, он заставил свое тело расслабиться. Фигура снова замелькала, но она находилась не близко, да и деревья мешали разглядеть ее. Он уловил новое движение справа уже в опасной близости.

“Неужели заметили? “– тревожно пронеслось в голове.

В шагах тридцати из-за кустов показалась голова, которую он признал сразу. Это был их снайпер – Самвел. Быстро оглянувшись вправо и не заметив фигуру, он поднял руку и помахал. Реакция была мгновенной. Тот мигмом исчез, но он продолжал махать рукой, пристав в пол роста. Послышалось тихое восклицание и

он снова увидел Самвела. Пригнувшись низко, он подбежал к нему.

–Справа еще один, – тихо прошептал Карен.

–Это – Рудик, – так же тихо ответил Самвел. – Я сейчас его позову.

Он хотел двинуться, но Карен остановил его за плечо и объяснил, что тот должен выйти на Сурена. Узнав еще об одном товарище, Самвел довольно засопел и замер. Карену очень хотелось расспросить о других, но он продолжал сидеть тихо. Так они сидели до самой темноты. Лишь, когда по-настоящему стало темно, они двинулись к шалашу.

***

Вечером следующего дня Карен был уже в саду. Он отыскал вчерашнюю скамейку, поставил рядом пакет с двумя бутылками пива, удобно устроился и закурил. Он снова стал припоминать свое вчерашнее знакомство с Ардвилом, восстановил в памяти весь их разговор, но опять упустил что-то важное. Ведь было же что-то, что показалось ему странным в этом человеке.

“Наверное, в его манере говорить или держаться. Сегодня надо будет присмотреться к нему”, – решил он. Он не мог объяснить себе, что именно заинтересовало его.

Ждать долго Карену не пришлось. Ардвил приближался по той же дороге, что и вчера. Карен сразу его узнал и стал приглядываться к нему. Тот шел несколько сутулясь, был среднего роста, походка была уверенная, волосы аккуратно причесаны, одежда сидела на нем безукоризненно. Ничего, что бы бросалось в глаза.

Подойдя к Карену, он улыбнулся, протянул ему руку и спросил:

– Давно ждете?

– Нет, только пришел, – ответил Карен, пожимая протянутую руку и вновь мысленно отметив про себя, что она холодная.

– Давайте сначала посидим, покурим, – предложил Ардвил.

– С удовольствием, – сказал Карен. – Кстати и пиво есть, как договаривались.

– Ну, пиво подождет. Его лучше пить в более удобной обстановке, хотя думаю, что неудобной обстановки для вас не существует – я имею в виду не выпивку, а долю ополченца.

– Да уж, пришлось волей – неволей привыкать ко всему, – рассмеялся Карен.

– Наверное, в последнее время вам пришлось туго? Не очень уж весело смеетесь.

Увидев, что взгляд Карена сразу потускнел, он поспешил добавить:

– Ну-ну, простите за бестактность. Лучше давайте действительно покурим.

Курили молча, даже не глядя друг на друга. “Интересно, он сказал это просто так или с умыслом? Неужели кагебеешник? Впрочем, нет – вряд ли моя персона представляет интерес. Скорей всего просто наблюдательный”, – подумалось Карену.

Закончив курить, Ардвил встал.

– Ну что ж, пойдёмте, благо идти недалеко.

Прихватив пакет с бутылками, Карен пошел рядом с ним и отметил про себя, что они почти одинакового роста. Некоторое время они шли молча. Перейдя проспект, они свернули в маленькую улочку по направлению к четырехэтажным домам, построенные еще во времена Сталина.

– А вот и наш дом, – сказал Ардвил и вошел в подъезд одного из них.

Они поднялись на третий этаж и остановились перед дубовой дверью, на которой не было номера. Ардвил достал ключи, открыл два замка, толкнул дверь и отступил в сторону со словами:

– Милости прошу.

Карен оказался в уютном холле с мягким ковром и пожалел, что не почистил ноги как следует у порога.

– Проходите, не стесняйтесь. Куртку повесьте сюда. Вот так. Проходите в эту комнату.

Гость вступил в большую комнату с высоким потолком. В ней стояли два длинных шкафа почти до самого потолка и на всю длину комнаты, а также два коротких справа, перед которым стоял роскошный письменный стол.

– Устраивайтесь у стола, я сейчас принесу еще один стул и бокалы.

– Я лучше посмотрю книги, – сказал Карен.

– Учтите, что это не все. Располагайтесь, а я, пожалуй, кофе поставлю.

Карен стал бродить среди шкафов. Он с удивлением отметил про себя, что здесь не было художественной литературы и отменную чистоту. Нигде не было следов пыли, окна были с кондиционером и плотно занавешены.

“Это чтобы солнечный свет не портил книги”, – догадался он. Услышав звуки шагов хозяйина дома, он поспешил ему навстречу. Приняв стул и два бокала с открывалкой, он направился к столу, а Ардвил пошел за кофе.

Через минуту он вновь показался с маленьким подносом с двумя чашками кофе и с чипсами объемной пиале. Карен достал из пакета пиво и, открыв его, наполнил бокалы.

–Ну что, осмотрелись? И как вам моя библиотека?

–Весьма серьезная. А скажите, почему вы не держите художественной литературы? И кроме того я заметил, что здесь книги на русском, английском, немецком и французском языках. Неужели вы знаете все эти языки.

–Вы все верно подметили. Я знаю эти языки. На армянском я читаю не очень хорошо, поэтому их у меня нет, хотя все, что касается самой Армении – у меня есть. Что же касается художественной литературы, то зачем держать у себя книги, которые можно достать в любой библиотеке.

Эту библиотеку собирал еще мой отец. Каждую книгу мы тщательно подбирали. Все вместе они составляют как бы единое целое, название которому – знание, правда в несколько сжатой форме. В соседней комнате у меня рукописи, манускрипты. Впрочем, вы еще их увидите.

–Вы говорили, что у вас есть книги, которые не издавались при Советах.

–Не только при Советах. Есть книги, которые не издавались, где бы ни было.

Видите ли, если так можно выразиться, “я ловец человеческих мыслей”. Я много путешествовал, полжизни провел в библиотеках разных стран, собрал в единую книгу высказывания, заметки, обрывочные мысли знаменитых ученых, философов. Кроме того я сам написал несколько книг, и все они печатались моими средствами и одиночными экземплярами. Вас, верно, интересуют они. Пару книг я написал о Востоке и Западе, обобщив в них всю философию, которая двигала десятки народов. Объединяющее в них только одно – тяга к знанию, стремление к объяснению миро создания, но методы и подходы удивительно разные.

Одну из книг я назвал “Религия и мистицизм”, так как в ходе своих исследований я пришел к выводу, что настоящая религия еще в будущем. Сейчас пишу новую, которую назову “Разум и душа”, но о ней после.

–Как я понял, вы не собираетесь издавать их и пишете только для самого себя? – несколько недоуменно спросил Карен.

–Да, я конченный эгоист. Я вне людей и это не надменность. Просто я бесстрастный наблюдатель жизни.

–Но вы тем самым приговорили себя к одиночеству!

–Оно мне не в тягость, – усмехнулся хозяин дома, – оно несет мне покой и полную свободу. Я не стремлюсь к признанию моих способностей, пытаюсь не привязываться к кому или к чему-либо. Просто я стараюсь удобно устроиться в этой жизни, и не оказаться в роли судьбы.

–И все же раз вы поставили себя “вне людей”, вы хотели показать, что люди стоят ниже вас. Я не верю в настоящую беспристрастность. Человек неотделим от своих желаний. Все его действия и поступки – это результат его стремлений, им всегда руководили чувства разумные и не очень. Вы, кажется, хотите подняться выше человеческого понимания, добыли свой “философский камень” и стремитесь занять промежуточный отрезок между небом и землей.

–Вот вы, не зная меня, уже осуждаете. Для того, чтобы понять мои слова и постигнуть их суть, вам нужно, прежде всего, узнать и понять очень многое. Я не стремлюсь к пониманию, я не высокомерен, как вы думаете, просто мне жаль людей, которые ни за что не желают приобрести настоящее знание и стать тем самым счастливым, приобретя настоящие ценности.

Но, пожалуй, довольно об этом. У нас еще будет много времени, мы всегда можем вернуться к этим вопросам, когда поближе познакомимся и найдем друг в друге общие исходные точки. Давайте поговорим немножко о вас, и это будет справедливо. Вы уже создали некоторое представление обо мне, так позвольте поближе ознакомиться с вами.

–Ну, во мне мало интересного, – сказал Карен, пожав плечами. – Жил, учился, сначала в школе затем в педагогическом институте. В армии не служил, но воевать пришлось. На других языках кроме как на армянском и русском, не говорю, люблю книги, читаю их много, по мере возможности путешествовал по Советам, в основном по ее восточным частям, в европейской

ее части почти не бывал. Люблю природу, обожаю рыбалку и охоту, но не романтик, верю в бога, не женат – вот, пожалуй, и все.

– Не густо. Впрочем, пока что достаточно. А что вас интересовало на востоке? Вы говорите, что вы по натуре не романтик, я же думаю, что вы скорее всего исследователь, – ободряюще улыбнулся Ардвил.

– В основном я бывал на Урале, на Алтае, в Якутии в 17 лет мыл уже золото. На востоке жизнь проходит более размеренно, спокойно, старался по возможности обходить крупные города.

– Любопытно. Не расскажете? В 17 лет золото добывать довольно трудно.

– У нас во дворе жили две семьи – русские. Дед Миша имел свою бригаду из трех человек. Какая связь между ними была, я не знаю. Знаю только, что все они, когда -то “сидели”. Думаю, что дед Миша тоже. Наверное, отсюда и идет их бригада.

После окончания школы, я уговорил его взять меня с собой. Уговорить его было делом сложным, хотя между нами было что – то похожее на близость. Для него я часто ходил в магазин, оказывал разного рода мелкие услуги. Он рассказывал мне различные интересные истории, именно от него я узнал о существовании этой бригады, где он был бригадиром.

Дома я сказал, что вместе с ним еду на шабашку. Отец, который уважал его, да и все в нашем дворе уважали его за рассудительность и справедливость, поговорил с ним и, зная мою любознательность и стремление ко всему неизведанному, дал свое согласие. И вот в начале июня дед Миша объявил мне, что девятого числа мы должны быть на месте.

Сборы мои были недолги. Как всегда мать напихала в мой чемодан всякой одежды, добрую часть которой я снял и оставил лишь вещи, которые подходили по списку, данной мне дедом Мишей.

Получив 300 рублей от отца, я вместе с дедом Мишей пустился в дорогу. До места встречи мы доехали за три дня. Зарегистрировав свою бригаду, дед заключил с государством договор о сдаче золота, указал примерный маршрут, на случай если они не вернутся по какой-либо причине, и, получив двустволку как бригадир, мы направились на реку Нижняя Тунгуска.

– Из бригады, – продолжал Карен, отхлебнув из стакана, – двое, Иван и Виталий, были из Средней России, Коля – из Белоруссии. Выглядели они очень обыкновенно, среднего, но как на подбор, крепкого телосложения, не то, что я – маленький и худой. Никто из них ничего не сказал на счет меня, чувствовалось, что дед Миша пользовался у них авторитетом. Он им сказал, что у меня легкая рука и что я принесу им удачу. Смысл сказанного я понял лишь впоследствии. Не могу сказать, что объединяло этих людей разных характеров и разных наклонностей. Или золото, или зона, но несомненно было одно – все они были очень суеверны.

Дед Миша перед тем как пуститься в путь, прежде всего обыскал их по-настоящему. Искал он в основном спиртное. Я с ужасом узнал, что у Коли и у Виталия есть обрезы, у Ивана – настоящий ТТ, а у деда – Макаров. Кроме всего у всех было по топору, по большому ножу, лотку и штыковой лопаты без ручки.

Чемодан мой дед выбросил, на мои же деньги приобрел крепкие ботинки, топорик, охотничий нож, компас и рюкзак. Все это стоило мне 64 рубля вместе с

удочкой и крючками, которые купил я сам. Насчет оружия “Хан”, так звали деда его товарищи, объяснил, что в тайгу без оружия соваться очень опасно, что он дал ложный маршрут и случись что никто нам не поможет, надеяться только можно на себя и кроме того строжайше запретил мне задавать вопросы членам бригады об их жизни. Заметив, что я стал нервничать и сомневаться, он предложил мне поехать обратно, но я твердо отказался, да и денег у меня оставалось мало. Кроме того проклятое любопытство не давало мне покоя. Впрочем, он несколько меня успокоил, заявив, что сумеет меня защитить так как за меня он в “ответе” перед моей семьей, а взял меня потому, что я принесу им удачу.

На следующий день спозаранку мы сели в нанятый “Урал” и ехали почти десять часов, после чего, мы углубились в тайгу. Поверите или нет, но мне показалось, что мои товарищи как-то преобразились. Они стали двигаться более бодро, начали более бодро и громче переговариваться и шутить, и я узнал, что Коля – “Ханыга”, а Виталий – “Бритва”, Иван – “Леший” или как его называли коротко – “Лешь”. Меня же вскоре окрестили “Пацаном”.

Все это мне показалось ужасно интересным. Я внимательно приглядывался к ним, ловил каждое их слово и движение, но остерегался задавать вопросы и старался не отставать от них. Я прекрасно понимал, что я должен сделать все, чтобы завоевать их расположение. Одно я знал точно – они не совсем похожи на людей, с которыми мне приходилось до сих пор общаться.

Прошагав без остановки часа четыре, мы стали готовиться к ночлегу. Дед приказал мне срубить ветки и через полчаса мы соорудили вместительный шалаш. По своей инициативе я собрал листья и мох, чтобы соорудить что – то вроде мягкой постели, чем рассмешил всех. “Хан” приказал все это выбросить, объяснив, что они мокрые. Расположившись у костра, мы плотно поужинали, после чего “Хан” выступил с короткой речью:

– Нам следует подняться повыше, где река делает резкий поворот и до которого мы в прошлый раз не дошли. Думаю там будет более интересно. Туда мы дойдем за 7-8 дней. Во всяком случае, если нам новое место не понравится, всегда можем вернуться на старое, но я уверен, что “Пацан” принесет нам удачу. Со “Скайем” я договорился насчет золотишко – купит сколько дадим за трешку. С завтрашнего дня, “Пацан”, едой заниматься будешь ты, я знаю, что ты умеешь готовить. Когда придем на место, за все в лагере будешь отвечать ты – за кухню, воду, чистоту, стирку, огонь. Но это не означает, что ты освобождаешься от “нашей” работы. Будешь делать столько, сколько мы решим – не хныкать, не болеть, не перечить. Добывание мяса, как и в прошлый раз, беру на себя. На этом, пожалуй, все. Можете отдыхать.

На следующий день мы поднялись очень рано и прошагали весь день, сделав лишь дважды привал. Так было и остальные 6 дней, пока мы не дошли до назначенного места.

Как сегодня помню, перед нами ближе к вечеру, неожиданно предстала река широкая и полноводная. В шагах 400 от нее мы разбили лагерь. Когда поставили два шалаша и разожгли костер, я взял удочку и фонарь и пошел ловить рыбу. Мenee чем за час я поймал два крупных леща и приготовил из них шашлык, чем поднял настроение своих товарищей. Даже “Хан” по случаю преподнес каждому стакан “за прибытие и за удачу”.

Следующие дни были похожи один на другой. Вставали рано и, прихватив оружие, лопаты и лотки, шли к реке. После четырех часов непрерывного труда, я возвращался в лагерь, готовил плотный завтрак, после него мыл посуду и через час вновь возвращался к работе. Через каждые 4-5 дней “Хан” шел на охоту. Я научился вялить мясо, за день я сильно уставал, особенно утомительным было мыть в лотках золото. К вечеру плечи ныли, в день дважды готовил еду, вечером шел удить рыбу и только здесь по-настоящему отдыхал.

Прекрасно помню первое намытое золото довольно невзрачное на вид. Его мы добывали мало, пробовали и на противоположном берегу, но там оказалось еще хуже. Вскоре мы свернули лагерь и поднялись выше по течению, но и там было “пусто”. После трехдневных скитаний состоялся совет, на котором было решено вернуться на прошлогоднее место. Каждое утро кто-то из нашей бригады рассказывал свой сон, по которому впереди нас ждала удача, но ничего такого не происходило.

Спустя месяц, обыскав все притоки и оставшись недовольным результатами, мы продолжили свое движение на север. Все чаще слышались разговоры, что я принес несчастье. Сначала это было в форме реплик, потом постепенно стало основной темой в разговорах. Все вскоре осложнилось тем, что Иван вывихнул ногу. Нога мгновенно распухла, и он не мог шевельнуть ступой. Казалось, терпение моих товарищей вот-вот лопнет. Они уже в открытую начали ругать деда Мишу за то, что тот притащил меня. Сначала тот огрызался, но постепенно приумолк.

Дело кончилось тем, мы тогда уже решили возвращаться, что дед разбудил меня среди ночи. В его руках были мой рюкзак с едой. Он дал мне компас, которым я уже научился пользоваться, дал свой пистолет и сказал, что я должен немедленно уходить. Он объяснил, в каком направлении мне следует идти, говорил резко, но тихо. “Так у тебя будет хоть маленький шанс выйти живым. Если останешься у тебя не останется и его. Я сам за свою жизнь на дам и ломаного гроша”, – объяснил он.

Я слушал его затаив дыхание, окаменев от ужаса. Куда идти? Впереди смерть и лишь ничтожная надежда, здесь же смерть неизбежна.

Я молча встал, пожал ему руку и пошел на северо-восток. После десяти минутной ходьбы я вдруг понял, что мне не выбраться. Ноги мои задрожали, я опустился на землю и заплакал, чувствуя себя брошенным и одиноким. Прошло несколько минут, и вдруг в моей голове мелькнула неожиданная мысль: – “А ведь и у деда нет ни единого шанса, они же его разорвут, особенно “Бритва“. Он в жизни не поверит, что я сам решился на бегство и украл пистолет. Я должен вернуться, пока они не заметили моего ухода и поговорить с ними“.

Я встал и пошел обратно, мысленно составляя речь для своих товарищей, и успел вовремя. Увидев меня, у деда Миши от удивления округлились глаза. Я достал пистолет и, пристально смотря на него, положил его за маленький пенек. Я стоял, не решаясь приблизиться к лагерю. Дед встал и медленно пошел ко мне. Это заметил уже проснувшийся “Кафтан“ и стал будить остальных.

Дед подошел ко мне, взял пистолет, положил в карман, предварительно сняв с предохранителя. Я в нескольких словах объяснил ему почему вернулся. Он молча выслушал, пристально глядя в мои глаза, взял меня за плечо и мы вместе пошли к остальным. Я чувствовал, как напряжена его рука, но все же она несколько меня приободрила. Я понял, что это рука друга. Наши товарищи хмуро нас разглядывали, молча ожидая продолжения.

Я подошел к ним, постоял минуту молча, затем стал говорить, не обращаясь конкретно ни к кому. Точно не помню, что им говорил, но смысл был в следующем: меня долго терзала мысль, что я принес неудачу моим товарищам и это в первый раз в моей жизни, так как обычно у меня “рука легкая“. Тогда я решил убежать, но бежит тот, кто виноват, а вины за собой я не чувствую. Я делал все, что мне велели и делал добросовестно. Мой уход поставил бы деда Мишу в тяжелое положение, а это не по-товарищески. Я сожалею о несчастном случае, случившемся с “Кафтаном“, я отказываюсь от своей доли золота в пользу своих товарищей. У них есть семьи, о которых они должны заботиться, хотя я и не имел малейшего представления были ли они у них или нет, и пусть моя доля хоть в некоторой степени компенсирует неудачу.

Я говорил страстно, прекрасно понимая, что на карту поставлена жизнь двух людей. Все слушали меня не прерывая и, когда я закончил, начал говорить дед. Он сказал, что не смотря на мои 17 лет, я поступил как настоящий мужчина и друг, который оказался честен по отношению к своим товарищам. Говорил он медленно и уверенно тоном авторитета, держа себя с достоинством.

Выслушав нас, “Леший“ обратился к “Бритве“.

–Ты что скажешь?

Но “Бритва“ продолжал молчать, хмуро смотря на нас, и тут заговорил “Кафтан“:

–Парень с понятием и поступил, как мужик.

“Бритва “ криво усмехнулся и, посмотрев со значением на деда, спросил:

–Больше тебе нечего добавить, “Хан?“

Дед сунул руку в карман и, так же усмехнувшись, сказал:

–Что ж, пожалуй и я готов отказаться от половины своей доли и это мое последнее слово.

–Правильно базаришь, – сразу откликнулся “Кафтан “.

“Леший “согласно кивнул головой, “Бритва“ последовал его примеру и, так же молча, кивнул в свою очередь.

Спустя две недели, мы вышли к людям. За все время пути дед никогда не оставлял меня наедине с этой тройкой. Не последнюю роль в этой истории сыграло и то, что они поняли, что дед не даст меня в обиду. Дальше, пожалуй, не интересно. Добавлю только, что между дедом и мной сложились особые отношения. Впоследствии мы только раз в разговорах возвращались к этому приключению.

– Должен признаться, что трудно поверить в такое здравомыслие и рассудительность в 17 лет, – задумчиво проговорил Ардвил, когда Карен закончил свой рассказ. – Чувствуется, что вы редко кому рассказывали эту историю, и я крайне польщен.

– Почему вы так решили? – удивился Карен.

– Хотя вы передали эту историю в спокойной манере, чувствовалась непередаваемая эмоция, а когда человек часто рассказывает одно и то же, пускай даже очень увлекательное, его рассказ как бы шлифуется, но теряется то особое отношение, чувство, которое считается глубоко личным. Я думаю, что эта история не прошла бесследно в вашей жизни. Она должна была глубоко осесть в вашем подсознании, и ваш характер должен был измениться.

– Вы правы. После этого я стал более осторожен и осмотрителен в своих поступках и в решениях, но должен заметить, что во мне прибавилась также изрядная доля уверенности. Я понял, что действительно не существует безвыходной ситуации и поверил в важность выбора в жизни человека.

– Вы говорите об уверенности. Поясните, что вы имеете в виду? Уверенность в себя, в свои силы или, что всегда примете правильное решение?

– Не знаю. Это трудно объяснить. Скажем так – уверенность общего характера, что все всегда закончится благополучно, в какой ситуации я бы не оказался.

– Весьма опасная уверенность, особенно для тех, кто воюет, – Ардвил неодобрительно покачал головой.

– Вы имеете в виду потерю чувства осторожности. Я встречался с этим, особенно у ветеранов. С течением времени война становится для них настолько обыденным и привычным, что чувство страха почти пропадает, теряется осторожность, инстинкт самосохранения притупляется, а это очень опасно в нашем деле.

– Ни инстинкт самосохранения, ни чувство страха не исчезают никогда, но я, кажется, понимаю, что вы хотите сказать.

Помолчав с минуту, Ардвил продолжил в задумчивости :

– То, что вы отказались от вашей доли золота в пользу своих товарищей, не сыграло роли в вашем положении, так как ваша доля так или этак принадлежала им. Во всяком случае, к этому шло. Насколько бы страстной и убедительной не была ваша речь, я думаю и она мало бы чего дала, особенно если принять виду аудиторию, а она, как вы упоминали, состояла из эзков.

А вот рука деда в кармане сыграла важную роль. Он был готов ко всему, а они нет, и они прекрасно понимали это. Дед просто не позволил бы им взяться за оружие.

“Кафтан“ был мало к чему пригоден, кроме того допустив, что успешно решив „ваш вопрос“ и решив без потерь для самих себя, они все же как-то обязаны были объяснить потерю двух людей, в том числе и в своем кругу, один из которых к тому же почти ребенок .

Меня ставит в тупик поступок деда. Я допускаю, вы были близки семьями, я верю в благородство, верю, что и уголовник может сохранить в глубине души порядочность, но все же он прекрасно понимал, что шансов у вас почти никаких. Частично отказавшись от своей доли, он выкупал и свою жизнь. Вам же казалось, что он спасает вас и, если бы остальные трое были бы более решительны, он лишился бы всего. Вас же спасло то, что вы уже возвращались, останься хотя бы еще – вас бы уже ничего не спасло.

И все же ваш поступок достоин восхищения, и я несколько не преуменьшаю его.

И знаете, что я вам скажу? Вам никогда не приходило в голову, что вам повезло,

что золота вы добыли мало? А если бы его было много? В этом случае как вы думаете, эта история могла закончиться благополучно конкретно для вас? Ведь вы были для них чужими, мне с самого начала показалось необычным решение деда взять вас с собой. У меня не возникло бы таких вопросов, если бы вы отправились с “обычными” людьми, но это были уголовники, вы даже не знаете за что они сидели и сколько раз!

Особое опасение внушает мне “Бритва”. Вы, кажется, не задумывались над его кличкой, а в их мире они не даются просто так.

– Не знаю. Может быть, – неуверенно начал Карен. – Может вы правы, но я все же благодарен судьбе и деду. Я многому научился, в 17 лет у меня был уже опыт, который не выпадает другим за всю жизнь. Иногда я думаю, что на мою долю выпало испытание, которое я выдержал. В моей истории не было никаких прикрас и преувеличений, я начал по-новому ценить в людях решительность и смелость. Мне выпал шанс увидеть мир и людей совершенно с другой стороны, и я должен отметить следующее – ни в одном из четырех я не заметил жадности и уверен, что намыв мы в сто раз больше, эта история имела бы очень благоприятное завершение. Они были все суеверны, даже чересчур, они хотели убить меня за то, что я принес им невезение, в этом же случае – они должны были держаться меня раз у меня “счастливая рука”.

– Не хочу спорить, да и не имеет смысла, – мотнул головой Ардвил. – Мы слишком увлеклись рассказом и даже забыли про пиво. Вы любите шахматы? Тогда я предлагаю помериться силами.

Как потом выяснилось Карен, считавший себя хорошим шахматистом, не смог из трех партий выцарапать себе хоть какое-то преимущество. Слишком уж сильным оказался противник.

Ардвил расстался с ним тепло и взял с него обещание, что он его еще навестит. “Если меня не окажется в саду, значит я дома”, – сказал он, на прощание крепко пожимая ему руку.

Карен шел пешком, но не потому, что до его дома было недалеко, а потому, что в его мозгу один за другим возникали вопросы. “По всему видно, что он не такой уж ценитель пива, слишком он долго его распивал и забывал о нем, а в тот день, когда мы встретились, у него были две бутылки – как раз на двоих. Если бы у него была одна бутылка – это бы было вполне объяснимо и естественно. Или это простое совпадение? Судя по его словам, он почти каждый вечер гуляет в саду. Почему же я его не помню? Хотя я и не отличаюсь особой памятью на лица, но я обязательно запомнил бы его. Вся его манера держаться и вся его фигура дышит странным спокойствием. И откуда у меня чувство, что он все знает наперед? Неужели действительно кагебешник? Но зачем я ему? Никаких особых тайн не знаю, ни в каких особых операциях не участвовал!”

“Невольно в разговоре с ним бываешь честен и выкладываешь даже больше, чем хочется, появляется уверенность, что он сразу заметит малейшую фальшь, – продолжал размышлять Карен, невольно ускоряя свои шаги. – Да и смотрит он странно, взгляд какой-то пронизывающий и в то же время привораживающий. Я слышал, что таким взглядом обладал Дзержинский. Кстати, я даже не заметил какого цвета его глаза, хотя и присматривался.

В нем нет нудности как в других стариках, но что же все-таки интересного в нем? Он хорошо разбирается в людях, что ими двигает, чувствуется в нем изрядный скепсис, несомненно умен и образован, очень культурен, никогда не выказывает свои эмоции. Что я знаю о нем? Ровным счетом ничего! Я даже не знаю кто он по национальности? Может быть еврей, а может быть и нет, точно лишь одно – не армянин. В следующий раз я обязательно расспрошу его.

А имеет ли смысл само “в следующий раз?” Мало ли людей одиноких, а то что он одинок – это факт, хотя откуда известно, что это факт? Спорю, что потом он попросит меня рассказать о войне.

Что ж, поживем – увидим, всему свое время, а я терпелив“.

***

Отряд двигался тихо и в полной тишине. Луны не было видно, только несколько звезд виднелись в небе, да и те скорей тускнели, чем сверкали. Через некоторое время в небе появился полу диск, вяло зависший в вышине и полностью равнодушный к тому, что происходило внизу.

Отряд зашагал более бодро, но сохраняя осторожность. Он двигался строго на запад и численность его составляло 7 человек. Именно столько в ту ночь пришло к шалашу и теперь они направлялись в Ханларский район, где еще совсем недавно происходили ожесточенные схватки с омовцами. Особое мужество проявили жители сел Азат, Камо, Геташен и Мартунашен. Они держались до последнего.

По имеющимся сведениям эти деревни еще не были заселены азерами хотя и прошло более двух лет, и Карен предложил своим товарищам отступать именно в этом направлении. Фронт прорван и, должно быть, не в одном месте. Связи ни с кем нет, в ход пущены силы Советов. Они прежде всего постараются отрезать их от основных сил на юге и идти в этом направлении опасно. Что касается постов противника на западе, то они прекрасно знают их расположение и пройти между ними не составит особого труда. Надо двигаться на запад в сторону Мартунашена, оттуда на юг к деревне Чрагидзор. Минуя озеро Гейгел, обойти село Азизлу и двигаться к Мравскому хребту. Протяженность маршрута составляла 40-50 км из которых большая часть пролегла по совершенно пустым местам и через Гямишский перевал перебраться в Мардакертский район НКР.

Противник не станет их искать на этой территории, рельеф там лесистый, а они привычны действовать именно в таких условиях.

Из 7 человек шестеро не первый день на этой войне и привычны к длинным броскам и маршам, боеприпасов у них достаточно, есть и медикаменты, а остальное дело техники, то есть ног. Опасение внушал только Арег, которому было всего 17. Его брат, который привел его сюда, не вышел к шалашу и никто не знал о его участи. Арег будет нести только свой автомат, а остальное было распределено между остальными.

После жарких споров 5 за – против 2, предложенный Кареном план получил одобрение. Был выбран и новый командир – автор этого предложения и в его выборе уже проявилось полное единодушие. К счастью, у Самвела была карта этого региона и именно она навела Карена на эту мысль.

Как и ожидалось, посты азеров обошли легко, к следующей ночи уже предполагалось выйти к первой армянской деревне – Мартунашену. Отряд двигался только ночью и идти было тяжело, люди спотыкались, падали, руки и лица у всех были расцарапаны, курить строжайше было запрещено, еду экономили и костра не разжигали. Незадолго до рассвета выбиралось укрытие для привала, и выставлялись часовые, которые менялись через каждые два часа.

Особое беспокойство внушал Сурен, громко храпевший во сне. Его приходилось все время будить, но стоило только ему заснуть, как он снова принимался храпеть. В конце – концов посты пришлось выдвинуть еще дальше, а рот Сурену завязать тряпкой, чтобы хоть как то приглушить звуки выходящие из его носошлотки.

Сурен был любитель пошуметь, не пропускал ни одной ссоры или разборки, был обидчив и, что опасней всего, злопамятен. В свой адрес он не терпел никаких замечаний, все, что противоречило его мнению, он считал направленным лично против него. Говорили даже, что он прибыл в Карабах скрываясь от закона, но это никого не смущало.

Карен, заступивший на пост и сменивший Сурена, чувствовал себя беспокойно. На следующую ночь должны были выйти к первой армянской деревне и это его волновало. До сих пор все шло гладко, но что ждет их впереди? Он взял на себя огромную ответственность, жизнь 6

людей. Окажется ли деревня пустой? Он старался успокоиться, зря не тревожиться, маршрут избран, и он уверен в его правильности, решения надо принимать по ходу и по обстановке, но многое его все-таки тревожило. Люди у него крепкие и привыкшие ко всему. За них он не беспокоился.

Беспокойство вселял Арег. С первой же ночи стало понятно, что выносливостью тот не отличался. Хотя он пока не хныкал, но уже стал отставать, его все время приходилось подгонять, он чаще стал спотыкаться и падать, издавая при этом громкие стоны и вскрики. Выдержит ли он путь? “Надо поручить его Камо. Он самый крепкий и выносливый в отряде, – думал Карен, прислонившись к дереву, – хотя он не очень-то долюбивает его”. Он знал причину этой нелюбви. Когда Арег прибыл в отряд, он, как настоящий пацан, слишком хорохорился, показал себя чересчур самонадеянным, Он разговаривал со всеми, как себе равными. Впрочем, теперь от его самонадеянности не осталось и следа, он весь сник и притих.

“Прежде всего надо отдельно поговорить с Камо, – продолжал думать Карен. – Необходимо, чтобы он понял и проявил терпимость к малышу”. Он решил не откладывать этот разговор и так как следующим на пост должен был заступить Камо, здесь же переговорить с ним.

Камо был деревенский верзила. На него всегда можно было рассчитывать, тот никогда и никому не отказывал в помощи. Карен быстро сблизился с ним, ему нравился этот добрый и благожелательный человек. Над ним ребята часто подтрунивали и иногда ласково называли “медвежьей лапой”.

Приняв решение, Карен попытался отключить мысли и через некоторое время весь превратился в слух. Он знал по опыту, что в таком лесу не надо слишком надеяться на зрение, слух сейчас является самым верным помощником. Он стоял не двигаясь, стараясь слиться с деревом и прислушивался к звукам леса. Вдали послышался лай шакала, налетел легкий порыв ветра, и лес как бы вздохнул легкой грудью. Выстояв положенное время, он пошел в лагерь, стараясь не шуметь, разбудил Камо. Тот мгновенно вскочил на ноги, что-то бормоча себе под нос. Карен приложил палец к губам, жестом позвал его за собой. Отойдя на положенную дистанцию, они присели у густого куста на корточки, и Карен спросил у того:

– Скажи, брат, что ты думаешь об Ареге?

– Не выдержит он дороги, вот что я думаю. Слабак он даже для своих лет, – так же тихо ответил Камо.

– Если он отстанет, это будет очень опасно для всех.

Камо с пониманием качнул головой.

– Вот что я хочу сказать, вернее попросить. Присматривай за ним очень прошу, если надо помогай, тащи за собой. Мы в ответе за него и не только перед его братом. К тому же он такой же член отряда как и другие хотим мы того или нет. Ради бога отнесись к нему сдержанно, я не прошу, чтобы ты его полюбил, но не оставляй его. Если все закончится хорошо, я знаю, что он скорее всего и не подумает поблагодарить тебя, и ты это знаешь, но оставлять его нельзя. Пожалуйста, подумай и ответь мне сейчас. Не будь его, отряду бы пришлось гораздо легче, но бросать его мы не имеем права, он еще ребенок. Это все равно, как если бы мы оставили Сурена только за то, что тот храпит, – говорил Карен, смотря в глаза Камо и протягивая ему, вопреки правилам, сигарету.

Минуты три они, плотно зажав в ладонях сигареты, молча курили, затем потушив и закопав их в ямке, Камо сказал:

– Если надо будет, я потащу его на себе, командир.

Карен удовлетворенно похлопал его по плечу и пошел к лагерю, думая про себя: “Он впервые назвал меня командиром, и он действительно потащит его”.

Успокоившись полностью, он лег и мгновенно заснул, сперва толкнув беззаботно храпещего Сурена в бок.

Долго спать ему не пришлось. Его разбудило какое-то гнетущее чувство, похожее на дурное предчувствие. Он мгновенно перевернулся на живот и стал всматриваться в каждый куст, вслушиваться в каждый звук, но ничего не заметил и не услышал. Ни малейшего движения, ни шороха. Он толкнул ногой рядом лежащего, тот сразу перекатился с бока, не выпуская автомат в, с которым все спали обнявшись. Им оказался Самвел. Отдав приказ еле слышным шепотом, он пополз в сторону, где должен был находиться Рудик, а Самвел пополз в сторону Сурена. Карен отполз на несколько шагов, затем как можно ниже пригнувшись к земле, короткими перебежками двинулся дальше. Стоявший на посту Рудик все же его услышал и слегка качнулся корпусом. Хотя Карен не смотрел в его сторону, Рудик все же был уверен, что тот боковым зрением уловит движение. И действительно, Карен сразу шлепнулся на землю, а затем спустя несколько секунд вновь двинулся к нему. Рудик ожидал его, уже заняв лежа боевую позицию. Он прекрасно понял, что что-то не так.

Рудик был ветераном, за его плечами был Афган, сам он был родом из Сумгаита. По натуре был отчаянный, но всегда осторожный, говорил мало, плохо сходилась с другими так как был необщителен, и никогда не жаловался.

“В чем дело?” – взглядом спросил он у Карена, который лежал в двух шагах ниже. Карен пожал плечами, затем немножко переждав, подполз к нему и лег рядом с ним.

–Что случилось? – почти неслышно прошептал Рудик.

–Не могу понять в чем дело, кругом ни души, но ведь меня что-то разбудило?

Карен плечом почувствовал, как все тело его товарища напряглось.

–Оставайся здесь а я осмотрю местность, минут через 30 если не вернусь, разбуди всех. Самвел должен быть у Сурена, меня не ждать и не искать ... немедленно уходите, – прерывающимся шепотом приказал Карен и двинулся вперед.

Он доверял внутреннему чувству, но не мог разобраться что к чему, а он обязан выяснить все. Отойдя шагов 150, он не заметил ничего подозрительного и двинулся с прежней осторожностью вниз по склону. Если внизу притаился враг, тот первый его заметит и у того будут все преимущества.

Тщательно все осмотрев и ничего не обнаружив, он уже хотел вернуться, когда его слух четко уловил “чужой” звук. Он не мог принадлежать лесу, и Карен двинулся в его направлении. То, что открылось перед его глазами, заставило окаменеть от неожиданности.

Прямо перед ним на противоположном склоне, раскинулась деревня. Несколько секунд он стоял, не веря своим глазам, затем мотнул головой, как бы отгоняя видение, но деревня осталась на месте. Это был несомненно Мартунашен и он допустил непростительную ошибку. Не подозревая, что уже добрались, они устроили лагерь в опасной близости. По его расчетам до него должно было оставаться километров 7-8.

Карен продолжал вслушиваться, но ничего больше не смог уловить. Не теряя времени, он двинулся обратно. Когда деревня скрылась из виду, он пошел быстрее к месту, где должен был находиться Рудик, но как не всматривался, он не мог его найти. “Молодец”, – мелькнуло в его голове, но время уходило и он стал искать его. Внезапно из-под дерева на мгновение показалась поднятая рука и снова исчезла.

Подойдя к Рудик, Карен объяснил ему в чем дело и, приказав ждать смены, двинулся в лагерь. Придя туда, он застал всех на ногах, в двух словах обрисовал ситуацию. Немного посоветовавшись, решено было провести разведку. Взяв бинокль, Карен с Камо и Ишханом двинулся в сторону деревни. Расставив их, он строжайше запретил им приближаться к ней, а сам двинулся севернее. Выбрав густое и высокое дерево, он взобрался на него почти до самого верха. Его не беспокоило, что его могут заметить – пятнистая форма должна была хорошо замаскировать его и сделать невидимым, если он, конечно, не станет делать резких движений.

Двух часовое наблюдение не дало ровным счетом ничего. Когда они вернулись в лагерь, Ишхан сказал, что видел лишь тощую собаку, которая бегала по огороду одного из домов. То,

что она была тощая, доказывало, что деревня пуста. К ней они подойдут ночью и, если там окажутся люди, их легко можно будет обнаружить по зажженным лампочкам. Если деревня окажется пустой, то здесь же следует пополнить продукты после чего двигаться к Чрагидзору, которая находилась к юго-западу от этой. Дальше уже будет опасно, а еда на исходе. Надо будет найти и пустые полиэтиленовые бутылки, что позволит им поохотиться по пути. Им неоднократно встречалась разная дичь и эти бутылки могли в некоторой степени выполнять роль глушителя.

Если деревня даже окажется пустой, все равно оставаться надо в лесу. В любой момент сюда могут приехать, хотя бы для “раскулачивания“. У многих домов двери и окна на местах, значит их еще не “обрабатывали“. Бойцы согласились с этим доводом, в лесу – так в лесу, дождя пока не предвидится и так будет безопасней.

Дождавшись ночи, отряд подошел к деревне. Она была разделена на 6 частей и распределена между бойцами, было выбрано также место встречи. Арега Карен оставил с собой и, приказав ему идти только за ним, двинулся в свой квадрат.

Нигде не было света, но они продолжали продвигаться осторожно. Первый дом не дал ровным счетом ничего, и они двинулись дальше, обходя дом за домом.

Ночные поиски почти ничего не дали, было найдено только несколько горстей пшеницы. Решили дожидаться рассвета и снова приняться за поиски, надо собрать бычки сигарет, пополнить курево, найти картофель и откопать. Ишхан в одной из ям обнаружил пустые полиэтиленовые бутылки. Каждый воткнул по одной на ствол, автоматы были поставлены на одиночную стрельбу. Когда стало рассветать, Карен оставил Арега у дороги, въезжающей в деревню.

Отсюда была хорошая видимость, большая часть дороги была в поле зрения. Рудик и Ишхан должны найти лопатки и откопать картошку, все, что удастся найти, должны складывать в большом двухэтажном доме на краю деревни у самого обрыва, за которым начинался лес.

День оказался удачным, на посту в тот день менялись через каждые 3 часа. Был откопан целый мешок картофеля, собраны бычки, а Рудик на чердаке одного из домов нашел листья табака.

Карен приказал Арегу приготовить, из валявшейся шины, рогатку. “Она в нашем положении теперь самое совершенное оружие”, – сказал он. Арег вдруг заулыбался совсем по-детски широко и весело и побежал выполнять приказ.

Была найдена и кофемолка, и Карен начал молоть пшеницу, собранную из окрестных домов. За день их припасы пополнились пачкой риса, которую тоже помололи, почти полная бутылка подсолнечного масла, кофе в жестяной банке, 3-х литровая банка компота из черешни.

Был организован настоящий пир. Жарили картошку, к которой подospel Арег с дюжиной подстреленных воробьев. Рогатка и впрямь оказалась серьезным подспорьем. Огонь разожгли из сухих полоч и дыма почти не было. Настроение у всех было приподнятое, даже беспечное, сыпались шутки и анекдоты и вскоре Карен вынужден был вмешаться и положить конец поднявшемуся гвалту.

Он приказал всем лечь спать, а сам пошел сменять Камо. Сменив его, он устроился по удобней и с удовольствием затянулся самокруткой. “Что я делаю? Что это со мной? Я думал, что крепче всего этого, я не имею права на “авось“, она вообще не должна иметь места. Когда все проснутся, надо уходить в лес и хватит – всего хорошего помалу, а береженного – бог бережет”.

Потушив недокуренную самокрутку, он больше не спускал глаз с дороги.

***

Уже почти целый час Карен ходил среди книжных полоч. Эта библиотека его поражала и не только своим количеством, чувствовалось, что каждая книга тщательно была подобрана.

Обложки были заменены роскошными переплетами, чувствовалось, что хозяин потратил на них немало денег. Было много книг посвященных религии, среди них много старых. Его внимание привлекла одна без заголовки.

Наскоро перелистав, он не нашел автора, в конце книги, где отмечалось количество тиража, стояла цифра 1. “Он намекал, что сам написал несколько книг и даже отмечал, что они никогда не выйдут в свет”, – вспомнил Карен. Он открыл первую страницу, которая начиналась крупным фиолетовым шрифтом: “Вопреки всем книгам, даже каноническим, вопреки всем существующим средневековым “фактам“, следует с полнейшей достоверностью отметить, что вампиризма, как такового, не существует ... но сам Вампир – был“.

Со страниц на Карена повеяло холодом и ему стало не по себе. Он перелистал еще несколько страниц и наугад стал читать: “И тогда увидел Владыка, что это получилось хорошо, лучше, чем когда Тот разорвал свет от тьмы ...”

“Что за тарабарщина? Он что – сатанист?” – мрачно подумал Карен. Ему стало неуютно среди этих книг. Он закрыл книгу, положил ее на место, постоял несколько минут в задумчивости. Взгляд его блуждал по полкам, пока не остановился на довольно большой книге, стоявшей на самом верху. Он раскрыл встроенный в шкаф лестницу, поднялся. Достав книгу, спустился и быстро раскрыл ее, отметив про себя, что и эта без заголовки. На первой странице заголовков все же оказался – “Второе Писание“. Лихорадочно перелистав, он с удивлением отметил, что здесь несколько книг. Они были собраны в одну и были очень старыми. На одной стояла дата 1482 год и написана была от руки на немецком языке, последняя, хотя он не обнаружил дату, была еще более древней и была написана на незнакомом языке.

“Так-так! Это объясняет многое. Держу пари, что я не первый, кого он притащил сюда. Скорей всего он главарь какой-то сатанинской секты, хотя я никогда не слышал о них. Что ж, посмотрим кто кого, а надо будет позову ребят, пускай поближе с ним познакомятся”, – со злобой подумал Карен и с удовольствием пощупал за поясом трофейный “Макаров“.

Последнее время он всегда носил с собой оружие, ходили слухи, что ополченцев кое-где стали “забирать“.

Карен некоторое время в задумчивости ходил взад-вперед. “Надо будет поинтересоваться этой личностью, порасспросить дворовых ребят, собрать как можно больше сведений. Надо действовать осторожно, не задавать много вопросов, пока что-нибудь не прояснится. Кстати, надо посмотреть, где издавались эти книги и, если они изданы здесь, встретиться с кем-нибудь из типографии и поговорить“.

Он вернулся обратно, достал “Второе Писание“, открыл конец и прочитал – “Типография Айастан “ 1962 год. “В год, когда я родился”, – невольно подумалось ему. Он поставил книгу обратно и хотел уже спуститься, когда заметил на соседней полке еще более объемистую по своим размерам, самую крупную из всех книг. Дотянувшись до нее, он извлек ее и чуть не выронил, настолько тяжелой она оказалась.

Мгновенно сработала реакция. Он успел прижать книгу к бедру, приловчился, подхватил снизу, взял за пазуху, выпрямился и стал осторожно спускаться. Спустившись, он потащил ее к письменному столу. Тяжесть книги была необычайной, которая к тому же оказалась с заглавием – “Развитие “и была напечатана на армянском.

Поражала ее обложка. Она не была картонной, но и не была сделана из кожи. Сколько он не рассматривал ее, он так и не смог дать какое-нибудь объяснение о происхождении переплета. Он захватил ее обеими руками и поплелся в соседнюю комнату, где сидел Ардвил. Постучав и войдя, он увидел, что тот сидит низко склонившись над столом и быстро что-то пишет.

–Простите за вторжение. С вашего позволения я бы хотел начать с этой книги, – сказал Карен.

– Милости прошу, дорогой друг, – улыбнулся ему Ардвил. – Вы, наверное, сделали правильный выбор, но думаю, что вам ее придется читать здесь. Она тяжелая, так как пропитана специальным раствором, чтобы уберечь от влаги и огня. Располагайтесь по удобнее и не беспокойтесь обо мне, вы меня нисколько не стесните. По правде говоря, я даже забыл о вас. Когда я работаю, я забываю обо всем на свете, а вы чувствуйте себя свободно, вся библиотека к вашим услугам, кухню знаете, где найти. Если вам понадобятся чистые листы и ручка для записей, вы их найдете в столе.

Произнеся все это скороговоркой, Ардвил вновь склонился над столом и больше не обращал на него внимания. Карен буркнул что-то похожее на благодарность, вновь потащил книгу в библиотеку, положил ее на стол, сам уселся в кресло, отметив про себя его изумительную мягкость и удобность, раскрыл первую страницу.

На всю страницу был изображен символ вечности похожий на армянский, олицетворяющий безостановочный круговорот жизни. Раскрыв следующую, Карен буквально остолбенел. Текст был написан на армянском, но сколько не вчитывался, он не смог разобрать ни единого слова. Карен захлопнул книгу, с минуту подождал, снова раскрыл и снова ничего не разобрал.

“Черт побери! Он что издевается надо мной?” – в ярости подумал Карен и вновь направился в соседнюю комнату.

Ардвил сидел, все так же склонившись, и так же быстро писал. Однако он почувствовал его присутствие, поднял голову и вопросительно посмотрел на гостя.

– Не будете ли так любезны пояснить мне, что все это значит? – спросил Карен, стараясь говорить спокойно, но от напряжения его голос слегка зазвенел.

– В чем дело, друг мой? – в недоумении спросил тот.

– На каком языке написана эта книга?

– Ах да! Прошу прощения, я совершенно забыл вас предупредить, что текст написан на арамейском языке.

– Но почему на арамейском? И почему в этом случае армянским алфавитом? – продолжал недоумевать Карен.

– Эта книга, как экзамен для меня. К этому времени я уже достаточно изучил этот язык. Он имеет довольно необычные для нас речевые обороты. Кроме того, я не хотел, чтобы посторонние люди читали ее.

Эта книга всей моей жизни и писал я ее почти 35 лет. А что касается заглавия, просто переплет был уже готов, он мне понравился, и я не захотел его менять.

Возьмите себе что-нибудь другое, а что касается этой книги – она о боге, о настоящем, а не о придуманном и я обязательно самым тщательным образом ознакомлю вас с ней.

Видите ли, чтобы до конца и правильно понять ее, вам придется проделать кой-какой путь, в некотором смысле подготовиться к ней, дорасти если хотите. Иначе она вам не ничего не даст и даже более – покажется дикой. Если я сейчас начну объяснять ее вам, вы примете меня за сумасшедшего, так как она ломает очень многие устоявшиеся понятия о боге, о добре и зле, о провидении, о судьбе и об очень многом.

Минут через 20 я закончу и, если вы возьмете на себя приготовление крепкого чая, я буду вам весьма благодарен, и мы поговорим.

Ничего не ответив, Карен побрел на кухню. Наполнив чайник, поставил его на газовую плиту, достал непочатый цейлонский чай и уселся у подоконника.

“С чего это его тон перешел в покровительственный? Может просто повернуться и уйти?” – подумалось ему. Однако он прекрасно сознавал, что никуда не уйдет, а будет готовить чай. Его безумно заинтересовала эта книга, снедало любопытство. Он всей своей сущностью чувствовал необычное, что за все этим что-то кроется. Он знал, что его предчувствия его не подводят, он, как зверь, чувствует надвигающиеся изменения и события, но никогда не мог понять, что они предвещают – плохое или хорошее.

Вопреки его ожиданиям Ардвил не расспрашивал о его военной жизни, а что касается цвета его глаз, они казались ему то серым, то голубыми, то зелеными. В упор его разглядывать было неудобно, кроме того он был почти уверен, что тот способен читать мысли.

Услышав звук отодвигаемого стула, Карен открыл пачку, высыпал добрую горсть в маленький чайник, залил его уже вскипевшей водой и завернул полотенцем, чтобы дать ему как следует отстояться.

На кухню с довольным видом вошел Ардвил.

–Ага, я смотрю у вас уже все готово. Предлагаю вначале несколько подкрепиться, так сказать “заморить червяка“. Так-так! Что тут у нас?

С этими словами он открыл холодильник.

–Колбаса, яйца. Отлично! Что предпочитаете яичницу или может быть вкрутую?

–Лучше яичницу с колбасой, – ответил Карен. “Он что не знает, что у него в холодильнике или придуривается?”

–Думаю, что и водочка не помешает.

На столе появилась бутылка “Финляндии“, почти полная.

–И курица есть, – продолжал Ардвил. – Не приготовить ли нам цыпленка-табака?

–Лучше яичницу. Честно говоря, я недавно ел, – ответил Карен.

–Я тоже не голоден особенно, но к водке требуется основательная закуска, – заметил несколько назидательно Ардвил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.